

Алексѣй Петровичъ Лебедевъ.

(Некрологъ).

Въ глухую лѣтнюю пору, среди полнаго затишья обычной академической жизни, Правленіемъ Академіи неожиданно была получена лаконическая телеграмма такого содержанія: „профессоръ Университета Алексѣй Петровичъ Лебедевъ скончался. Похороны семнадцатаго“.

Телеграмма была такъ лаконична и къ тому-же лишена всякой подписи, а извѣстіе столь печально, а главное столь неожиданно, что въ первый моментъ не хотѣлось ему вѣрить. Казалось прямо ни съ чѣмъ несообразнымъ допустить, чтобы могъ помереть такой свѣжій, крѣпкій и бодрый человекъ, какъ А. П. Лебедевъ, который, несмотря на свои 64 года, былъ еще полною энергіи и силъ не только умственныхъ и духовныхъ, но также и физическихъ.

Еще такъ недавно, всего нѣсколько недѣль тому назадъ, передъ самымъ началомъ лѣтнихъ ваканцій, многіе изъ насъ видѣли его обычно жизнерадостнымъ и бодрымъ, полнымъ энергіи и силъ и наслаждались его веселой, оживленной бесѣдой, пересыпанной тонкимъ юморомъ и остроумными замѣчаніями. Ни о какой болѣзни, ни о какомъ даже легкомъ недомоганіи, кромѣ застарѣлой глазной болѣзни, да и то ставшей чуть-ли не уменьшаться за послѣднее время, не было тогда даже и помина: А. П. былъ обычно благодушень, весель, полною всякихъ плановъ относительно своихъ дальнѣйшихъ литературныхъ работъ и навѣрное меньше всего самъ думалъ о столь близкой роковой развязкѣ. Неудивительно послѣ всего этого, что печальная вѣсть объ его неожиданной смерти произвела впечатлѣніе чего-то оше-

ломляющаго, въ родѣ удара грома при ясномъ безоблачномъ небѣ, когда не можешь отдать себѣ отчета въ томъ, дѣйствительно-ли это громъ, или это какой-либо другой, аналогичный съ нимъ ударъ, произшедшій отъ иной, еще невѣдомой причины? Скоро, однако, все окончательно выяснилось. Пришедшія на другой день газеты съ траурными объявленіями на первой страницѣ и пріѣздъ въ Посадъ одного изъ московскихъ профессоровъ, успѣвавшего уже побывать на паннихидѣ по скончавшемся, не оставляли больше мѣста никакимъ сомнѣніямъ и надеждамъ.

Грустнымъ эхо быстро разнеслась по Посаду скорбная вѣсть о смерти Алексѣя Петровича среди немногихъ оставшихся въ немъ профессоровъ и студентовъ Академіи. И старшіе и младшіе члены единой академической семьи приняли и почувствовали эту печальную вѣсть, какъ свою тяжелую утрату. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Алексѣй Петровичъ послѣднія 12-ть лѣтъ и состоялъ на службѣ уже въ другой высшей школѣ—Московскомъ Университетѣ—но по всей своей предыдущей, почти двадцатипятилѣтней службѣ, въ качествѣ профессора Московской Академіи, по самому своему воспитанію и образованію, какъ питомецъ той же Академіи, наконецъ, по своимъ научнымъ симпатіямъ и интересамъ и по всему, вообще, своему духовному облику, онъ всецѣло принадлежалъ Московской Академіи и былъ однимъ изъ лучшихъ и типичнѣйшихъ ея питомцевъ. Недаромъ и самъ Алексѣй Петровичъ такъ любилъ свою *alma mater* и постоянно тяготѣлъ къ ней: онъ всегда пристально слѣдилъ за жизнью Московской Академіи, живо интересовался всѣми даже малѣйшими мелочами ея жизни, поддерживалъ близкія отношенія съ большинствомъ ея членовъ, продолжалъ оставаться однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ академическаго органа и неизмѣнно, изъ года въ годъ лично самъ являлся на годичный академическій праздникъ 1-го Октября.

Нетрудно понять, послѣ всего этого, какую тяжелую, можно сказать, даже невознаградимую утрату понесла Московская Академія въ фактѣ неожиданной смерти Алексѣя Петровича. Одинъ изъ лучшихъ питомцевъ этой Академіи, ея выдающийся бывшій профессоръ, ея дѣятельный почетный членъ и извѣстный ученый—покойный Алексѣй Петровичъ былъ

красой и гордостью Московской Академіи, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ-бы связующимъ звеномъ, которое соединяло ее съ Московскимъ Университетомъ.

Вотъ почему мы и убѣждены, что Московская Академія неразъ, съ чувствомъ глубокой грусти откликнется на эту потерю, и въ статьяхъ своихъ профессоровъ-специалистовъ дастъ намъ достойный свѣтлой памяти почившаго обзоръ его научныхъ заслугъ.

Но не менѣе тяжелой потерей преждевременная смерть Алексѣя Петровича почувствовалась, въ частности, и редакціей академическаго органа—ея журнала „Богословскій Вѣстникъ“. За все время существованія „Богословскаго Вѣстника“, равно какъ и за послѣдніе почти двадцать лѣтъ его предшественника—академическаго-же органа „Прибавленія къ твореніямъ св. Отцевъ“ покойный Алексѣй Петровичъ былъ самымъ продуктивнымъ, самымъ дѣятельнымъ и неутомимымъ ихъ сотрудникомъ. Уже одинъ простой количественный подсчетъ статей и листовъ, напечатанныхъ Алексѣемъ Петровичемъ на страницахъ академическихъ изданій (всего около 50 статей, въ общемъ итогъ свыше 300 печатныхъ листовъ), краснорѣчиво показываетъ, какой огромной, научно-производительной силы лишился академическій органъ съ его неожиданной смертью.

Значеніе этой утраты станетъ для насъ еще очевиднѣй и яснѣй, если мы обратимъ вниманіе на выдающіяся внутреннія качества этихъ статей: на блестящій талантъ ихъ автора соединять научную серьезность содержанія съ живостью и интересомъ изложенія, на его способность быстро отзываться на всякія новыя теченія и открытія въ западной церковно-исторической наукѣ, на жизненно-публицистическій колоритъ его многихъ научныхъ статей и на общій честный, прямой, научно-прогрессивный характеръ всѣхъ его работъ.

Желая хоть чѣмъ-нибудь выразить одушевляющія чувства теплой признательности и благодарности своему выдающемуся сотруднику, редакція „Богословскаго Вѣстника“ рѣшила пока, въ ожиданіи серьезныхъ научныхъ статей, посвященныхъ памяти почившаго, напечатать его краткій некрологъ, съ изложеніемъ внѣшнихъ фактовъ его жизни и личныхъ воспоминаній автора данной статьи о почившемъ, а также и съ описаніемъ самыхъ похоронъ А. П., вмѣстѣ съ

нѣкоторыми изъ произнесенныхъ при этомъ рѣчей, принадлежавшихъ представителямъ Академіи.

Подобно большинству нашихъ ученыхъ и профессоровъ, Алексѣй Петровичъ происходилъ изъ бѣдной, необезпеченной семьи. Онъ былъ сыномъ сельскаго священника Московской губерціи, Рузскаго уѣзда и родился въ 1844 году. По всей вѣроятности, онъ рано сдѣлался сиротой, такъ какъ обучался не въ Волоколамскомъ и не въ Звенигородскомъ духовномъ училищѣ, (ближайшихъ къ Рузскому уѣзду), а въ Перервинскомъ, гдѣ предпочтительно воспитывались и обучались на казенномъ содержаніи сироты духовнаго званія. На Перервѣ выдающіяся способности А. П., въ силу ли естественнаго ихъ роста, или благодаря тяжелымъ условіямъ дѣтства и плохой предшествовавшей подготовкѣ, еще ничѣмъ не успѣли обнаружиться и онъ не выходилъ изъ уровня среднихъ учениковъ. Но уже въ Московской духовной семинаріи, куда послѣ Перервы поступилъ А. П., онъ заявилъ о себѣ, какъ о талантливомъ юношѣ, такъ что окончилъ здѣсь курсъ первымъ ученикомъ.

Еще больше развернулись и окрѣпли силы будущаго ученаго въ Московской Духовной Академіи, курсъ которой А. П. проходилъ съ 1866—1870-й годъ. Но и здѣсь онъ не сразу нашелъ свое истинное призваніе—быть церковнымъ историкомъ. Первоначально-же А. П., подобно многимъ другимъ даровитымъ академическимъ студентамъ съ нѣсколькими схоластической подготовкой, тяготѣлъ больше къ философіи. Дѣло дошло здѣсь до того, что даже свою курсовую магистерскую работу А. П. писалъ у В. Д. Кудрявцева на философско-богословскую, или если угодно, на апологетическую тему: „Превосходство откровеннаго ученія о твореніи міра передъ всѣми другими объясненіями его происхожденія“¹⁾.

¹⁾ Мы назвали курсовую работу А. П. не кандидатской, какъ она называется теперь, а магистерской работой, такъ какъ А. П. кончалъ въ послѣдній годъ дѣйствія стараго устава, когда нынѣшніе, такъ называемые, „магистранты“ кончали прямо магистрами. Въ полномъ видѣ А. П. не напечаталъ этого сочиненія; но различные, иногда довольно значительные отдѣлы его были помѣщены имъ въ нѣсколькихъ духовныхъ журналахъ („Чтенія въ Общ. Люб. дух. просвѣщенія“ 1873—1874 г. „Прибав. къ Твор. св. Отецъ“ 1872 г. ч. XXV, „Душеполез. Чтеніе“ 1878) и въ одномъ свѣтскомъ („Рус. Вѣстникъ“ 1873 г. CVI т.). Самъ А. П. выборъ этой работы объясняетъ, впрочемъ, не столько личной склонностью, сколько

Даже еще много больше—А. П. чуть было не угодили на кафедру метафизики въ Киевскую Академію, куда, по запросу этой Академіи, онъ отрекомендованъ былъ, въ качествѣ подходящаго кандидата, самимъ В. Д. Кудрявцевымъ. Но къ счастью для Московской Академіи и для самого А. П. окончательнаго избранія его въ Киевскую Академію не состоялось, потомучто Московская Академія не пожелала отпустить отъ себя своего талантливаго питомца и дала ему другую, болѣе подходящую для него кафедру.

Объ этомъ знаменательнѣйшемъ событіи въ своей жизни, тономъ остроумной шутки надъ собой, довольно подробно рассказываетъ самъ А. П. въ своей учено-литературной автобіографіи (Бог. Вѣст. 1907 г. Іюнь). Здѣсь онъ говоритъ, какъ ему, только что окончившему академическій курсъ, ректоромъ Академіи—извѣстнымъ А. В. Горскимъ было предложено выбрать одну изъ пяти вакантныхъ тогда академическихъ кафедръ, и какъ онъ, вопреки даже совѣту и желанію А. В. Горскаго, выбралъ, именно, „Древнюю церковную исторію“¹⁾. „Не скрою—пишетъ между прочимъ, А. П.—что тогдашній ректоръ блаженной памяти А. В. Горскій, былъ противъ моего выбора церковной исторіи—по различнымъ основаніямъ. Во первыхъ, мои успѣхи по церковной исторіи были отмѣчены лишь балломъ: четыре (какова иронія судьбы!); во вторыхъ, по какимъ-то случайнымъ причинамъ, я не писалъ ни одного семестроваго сочиненія ни по одной изъ церковно-историческихъ наукъ,—а главное: мое магистерское сочиненіе не имѣло никакого отношенія къ церковной исторіи. О ректорѣ А. В. Горскій настойчиво предлагалъ мнѣ взять кафедру „Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“,—но я уперся и стоялъ на своемъ“.

Такъ, вопреки всему, своимъ собственнымъ здоровымъ инстинктомъ А. П. почувялъ свое настоящее мѣсто и взялъ

случайными причинами, изъ которыхъ рѣшающей было распредѣленіе темъ академической конференціей (Бог. Вѣст. 1907 г. Іюнь, 404 стр.). Но вѣдь, разумѣется, и оно мотивировалось, приспособительно къ каждому студенту, въ особенности, изъ числа лучшихъ.

¹⁾ Такое обиліе свободныхъ кафедръ въ то время въ Академіи объясняется введеніемъ новаго устава 1869 года. Двѣ изъ этихъ кафедръ были замѣщены товарищами А. П. по выпуску: А. П. Смирновымъ—кафедра Библейской исторіи и И. Д. Петропавловскимъ—кафедра Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ

каедру Древней церковной исторіи, которую съ великой славой и для себя, и для Московской Академіи онъ и занималъ въ ней ровно 25-ть лѣтъ.

Очень рано, черезъ какихъ-нибудь 2—3 года своей доцентуры, молодой ученый уже началъ заявлять о себѣ и въ печати серьезными, дѣльными, а главное—свѣжими и оригинальными статьями. А въ 1879 г. А. П. выпустилъ уже и сильно шумѣвшую докторскую диссертацию: „Вселенскіе соборы IV и V вѣка. Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направлениемъ школъ александрійской и аятіохійской“. Всѣ эти сочиненія, въ особенности, послѣднее обратили на себя вниманіе широкихъ круговъ не только церковнаго, но даже и свѣтскаго общества и послужили предметомъ, какъ восторженныхъ и вполне заслуженныхъ похвалъ, такъ и злобныхъ нападокъ за ихъ будто-бы нецерковный, раціоналистическій характеръ со стороны различныхъ непризванныхъ и по большей части невѣжественныхъ критиковъ (за исключеніемъ, разумѣется, покойнаго историка А. М. Иванцова-Платонова), имѣвшихъ слишкомъ наивное, чтобы ни сказать больше, представленіе о задачахъ и методѣ церковно-исторической науки.

Исторія всѣхъ этихъ научныхъ (впрочемъ не только научныхъ, а и жизненно-служебныхъ, такъ какъ статьи критикановъ А. П. въ большинствѣ носили характеръ прямыхъ доносовъ на него Св. Синоду и разчитаны были на то, что бы повредить ему по службѣ) злоключеній мастерски описана самимъ же А. П. въ его, извѣстной намъ автобіографіи къ которой мы и отсылаемъ всѣхъ интересующихся ею (Бог. Вѣстн. 1907, Іюнь).

Впрочемъ, съ внѣшней стороны, служба А. П. въ Московской Академіи, по его собственному признанію, была „безпримѣрно блестяща“. Черезъ 4 года по окончаніи курса, онъ уже былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ (1874 г), а по истеченіи 9 лѣтъ—получилъ и ординатуру (1879 г), и это при старыхъ порядкахъ, когда многіе профессора успѣвали посѣдѣть въ доцентахъ, прежде чѣмъ получали званіе экстраординарнаго. „Отсюда вы можете думать—читаемъ мы въ автобіографіи А. П. — что Академія высоко цѣнила меня, пожалуй, даже и не по заслугамъ. Если бы я не былъ я, то я самъ бы позавидовалъ себѣ“.

Но въ дѣйствительности, конечно, во всемъ этомъ, кромѣ счастливой случайности (освобожденіе кафедръ), было и признаніе Академическимъ Совѣтомъ незаурядныхъ заслугъ А. П. „Смѣю думать — вынужденъ признаться А. П.—что моя академическая служба прошла и не совсѣмъ бесплодно. Частію единолично, а частію въ компаніи съ кѣмъ-либо мною создано въ Академіи семь докторовъ-богословія, церковной исторіи и каноническаго права, а въ числѣ ихъ Сергій архіепископъ Владимірскій и протоіерей Александръ Иванцовъ-Платоновъ. Подъ моимъ руководствомъ или же при моемъ прямомъ содѣйствіи пріобрѣли степень магистра 13 молодыхъ людей, и между ними такіе талантливые лица, какъ Доброклонскій, Мартыновъ, Глубоковскій, Спасскій и Міеуръ Андреевъ“. И не даромъ знаменитѣйшій современный историкъ—А. Гарнакъ (какъ уроженецъ г. Юрьева прекрасно владѣющій и русскимъ языкомъ) еще въ 1890 г. по поводу выдающейся работы проф. Н. Н. Глубоковскаго („Блаженный Θεодоритъ“ I-II т.) отмѣтилъ существованіе при нашей Академіи цѣлой школы, посвящающей свои труды изученію церковной древности (Theologische Literaturzeitung, 1890, 502 s). Если честь основанія данной школы, по словамъ самого А. П., должна быть приписана цѣлому ряду предшествовавшихъ ему историковъ-профессоровъ Москов. Академіи (Меодій и Иннокентій Смирновы, Филаретъ Черниговскій, А. В. Горскій), то главная заслуга въ развитіи и упрочненіи этой школы, безспорно принадлежитъ А. П. Лебеву.

Съ половины 1895 академическаго года А. П. сдѣлался профессоромъ церковной исторіи при Московскомъ Университетѣ, гдѣ онъ, по его собственнымъ словамъ, чувствовалъ себя въ положеніи архіерея на покой. Но въ сущности этотъ „покой“ былъ очень условнымъ и относительнымъ: онъ давалъ только ему еще большій просторъ для его учено-литературныхъ работъ. И мы видимъ, что за весь почти 13 лѣтній періодъ своей новой университетской службы А. П. продолжалъ работать съ чисто-юношескимъ жаромъ. За это время имъ написано немало интересныхъ и цѣнныхъ новыхъ работъ, а также сдѣлана сводка и переизданіе всего написаннаго раньше. Полное собраніе сочиненій А. П. состоитъ изъ 10 объемистыхъ томовъ, изъ которыхъ большинство выдержало 2, а нѣкоторые уже и 3 изданія.

Въ самое послѣднее время А. П., какъ-бы внутренне предчувствуя скорую смерть, началъ было печатать свою „учено-литературную автобіографію“, но далеко не успѣлъ ее закончить. Интересно знать, не осталось-ли среди его бумагъ какихъ-либо черновыхъ записей этого рода, которыя должны, конечно, возможно скорѣе увидѣть свѣтъ.

Позволимъ себѣ, теперь, подѣлиться съ читателями, нашего журнала нѣсколькими личными воспоминаніями о покойномъ историкѣ.

Наше заочное знакомство съ сочиненіями Алексѣя Петровича, обычно, начиналось еще съ семинарской скамьи. Будучи очень юными семинаристами 3-го или 4-го классовъ, мы, лелѣявшіе мечту объ Академіи, считали своимъ непремѣннымъ долгомъ проштудировать главные церковно-историческіе труды академическаго свѣтила—А. П. Лебедева. У всѣхъ лучшихъ семинаристовъ, мечтавшихъ объ Академіи, сложилось твердое убѣжденіе, что въ Московскую Академію, стоявшую въ нашемъ представленіи особенно высоко и бывшую потому предметомъ усиленныхъ стремленій, не мыслимо и попасть, не зная сочиненій А. П. Лебедева (общая церковная исторія) и Е. Е. Голубинскаго (русская церковная исторія). Правда, даже и въ наше, сравнительно недавнее время (90-ые годы) сочиненія А. П. состояли подъ сильнымъ подозрѣніемъ у высшаго духовнаго начальства, такъ что наше знакомство съ ними носило, до извѣстной степени, контрбандный характеръ. Но это, разумѣется, не только не охлаждало, а наоборотъ, лишь подогрѣвало нашъ пылъ и повышало интересъ къ гонимымъ книгамъ.

До сихъ поръ живо помню, какъ я впервые семинаристомъ 4-го класса познакомился съ „эпохой гоненій“ А. П. и его „Вселенскими соборами“. Я ихъ читалъ и перечитывалъ, сдѣлалъ массу выписокъ и замѣтокъ, и приходилъ въ истинное изумленіе и даже восторгъ, какъ скучная исторія гоненій, состоящая въ учебникѣ Е. Смирнова изъ сухаго перечня императорскихъ эдиктовъ да именъ мучениковъ, пострадавшихъ въ то или другое гоненіе, положительно оживала подъ мастерскимъ перомъ ученаго профессора, умѣвшаго такъ ясно и толково освѣтить глубокія общія причины гоненій, и такъ мѣтко, такъ живо и правдиво, указать частныя, типическія черты каждаго изъ нихъ.

Еще болѣе сильное впечатлѣніе производила на насъ другая, самая выдающаяся изъ всѣхъ его сочиненій, книга А. П.—его докторская диссертація: „Вселенскіе соборы IV и V-го вѣковъ“. Трудная и довольно путанная исторія вселенскихъ соборовъ, по крайней мѣрѣ, какъ она изложена въ учебникѣ того-же Е. Смирнова и въ другихъ подобныхъ же учебныхъ пособияхъ и руководствахъ, впервые прояснялась нашему сознанию, благодаря книгѣ А. П., точнѣе—ея основной идеѣ—о борьбѣ двухъ школъ: александрійской и антиохійской. Философское освѣщеніе христологическихъ споровъ замѣчательно углубляло наше знакомство съ этой важнѣйшей церковно-исторической эпохой и дѣлало ясными и понятными различныя перипетіи той философско-богословской борьбы различныхъ мнѣній и теченій, изъ столкновенія которыхъ рождались догматическія формулы вселенскихъ истинъ.

Можно смѣло сказать, что названныя сочиненія А. П. впервые будили нашу юную мысль и приподнимали завѣсу настоящей, критической науки. Въ этомъ отношеніи названныя сочиненія А. П. могутъ быть, до извѣстной степени, даже сопоставлены съ знаменитой „Исторіей Русской Церкви“ нашего маститаго академика Е. Е. Голубинскаго, трудъ котораго имѣлъ для насъ огромное научно воспитывающее вліяніе.

Пишущему эти строки впервые лично увидать Алексѣя Петровича удалось лишь при вступленіи въ Академію, на конкурскомъ экзаменѣ по церковной исторіи. Въ то время, т. е. около пятнадцати лѣтъ назадъ, семинаристы наши не имѣли доступа въ Университеты, за исключеніемъ Томскаго и Юрьевскаго, и потому всѣ, ищущіе высшаго образованія устремлялись въ Академію. Обычно къ экзамену собиралось не меньше сотни лучшихъ студентовъ семинарій, а пріемная норма въ пятьдесятъ человѣкъ довольно строго наблюдалась. Въ виду этого, пріемные экзамены въ Академію носили характеръ дѣйствительнаго конкурса, при которомъ попадали въ списокъ избранныхъ только одинъ изъ двухъ, а иногда чуть не изъ трехъ держащихъ. Понятно, потому, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ приступали мы къ академическимъ экзаменамъ, и въ частности, какъ волновались мы на экзаменѣ по церковной исторіи, гдѣ экзаменоваться предстояло у давно извѣстныхъ большинству насъ двухъ зна-

менитыхъ церковныхъ историковъ—Е. Е. Голубинскаго и А. П. Лебедева.

Въ силу, очевидно, личныхъ особенностей характера и темперамента экзаменаторовъ—серьезной замкнутости одного и большей живости и впечатлительности другаго—экзаменомъ всецѣло руководилъ Алексѣй Петровичъ, фигура котораго и всѣ его манеры, и до сихъ поръ свѣжо сохранились въ памяти.

Какъ живая стоитъ передъ моимъ взоромъ высокая, слегка сутуловатая фигура покойнаго историка, съ подслѣповатыми глазами, пристально и какъ-то слегка насмѣшливо смотрящаго на насъ черезъ свои большіе и толстые золотые очки. Ему положительно не сидѣлось на мѣстѣ: онъ то и дѣло вскакивалъ изъ за экзаменаціоннаго стола, быстро смѣнилъ по аудиторіи своими мелкими, такъ неидущими къ его высокой и крупной фигурѣ, шажками, постоянно подходилъ то къ окну, то къ двери, то къ нашимъ скамьямъ и все время экзамена велъ оживленные диспуты съ экзаменовавшимися. Я положительно не могу припомнить ни одного такого отвѣта, который бы шелъ гладко и плавно, не имѣя, что называется ни сучка, ни задоринки. Большинство-же ихъ представляло какую-то скачку съ постоянными препятствіями, за которыя намъ приходилось сильно задѣвать и больно ушибаться.

Зная отъ старшихъ товарищей привычку А. П. постоянно встрѣвать въ отвѣты съ своими критическими замѣчаніями, вынудившій тотъ или иной билетъ, если, конечно, хорошо зналъ его по учебнику, начиналъ торопливо и быстро его рассказывать, въ надеждѣ избѣгнуть возраженій и проскочить возможно дальше. Но это плохо помогало. Послѣ двухъ-трехъ хлесткихъ фразъ экзаменующагося, А. П. довольно рѣзко обрывалъ его своимъ замѣчаніемъ, что все это „вранье“, „чепуха“, совсѣмъ не то, что слѣдуетъ, причемъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, разъяснялъ, въ чемъ тутъ ошибка и какъ слѣдуетъ ее исправить.

Когда опѣшившій отъ этого удара нѣсколько оправлялся, то снова пускался въ галопъ дальше; но не успѣвалъ онъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ требовательный экзаменаторъ снова осаживалъ его авторитетнымъ приговоромъ, что все, что вы говорите, „сплошная ерунда“, причемъ опять же

онъ обязательно выяснялъ справедливость своего отзыва. И такъ продолжалось все время отвѣта, съ тѣмъ различіемъ, что отвѣчающій постепенно терялъ свой апломбъ и меньше горячился, къ концу едва-едва плетясь, а иногда и вовсе даже остановясь. Доведя, такимъ путемъ, экзаменующагося до сознанія его круглаго невѣжества въ церковной исторіи и полной непригодности семинарскихъ учебниковъ по этому предмету, А. П. съ миромъ отпускалъ свою жертву, которая шла на мѣсто съ сознаніемъ почти полнаго провала.

Но если въ моральномъ смыслѣ мы, дѣйствительно, и проваливались у А. П., то фактически то отъ этого ничего не терпѣли: Алексѣй Петровичъ никого не обижалъ баллами и цѣнилъ ими не столько дѣйствительное знаніе церковной исторіи, сколько степень общаго умственного развитія и разумнаго знакомства съ учебникомъ.

Отчетливѣе всѣхъ другихъ вступительныхъ экзаменовъ помню и я свой экзаменъ по церковной исторіи. Достался билетъ: „состояніе іерархіи и церковнаго управленія со II-IV-й вѣкъ“. Это—одинъ изъ самыхъ блѣдныхъ и безцвѣтныхъ отдѣловъ въ учебникѣ Евграфа Смирнова, изложенный какъ-то слишкомъ обще и шаблонно, по извѣстному трафарету для всѣхъ вѣковъ и періодовъ церковной исторіи. Помню, я все же довольно храбро началъ рассказывать о богоучрежденности церковной іерархіи и о происхожденіи отъ самого Іисуса Христа и апостоловъ всѣхъ трехъ наличныхъ степеней ея. Но съ самаго же начала былъ рѣзко остановленъ, что намъ нуженъ не катехизисъ митроп. Филарета, а церковная исторія, которая представляетъ дѣло иначе. И тутъ же самъ А. П. началъ длинную рѣчь о различіи харизматическихъ и іерархическихъ служеній церкви, о первоначальномъ преобладаніи первыхъ и постепенномъ ростѣ вторыхъ, и послѣдовательномъ вытѣсненіи ими первыхъ. Я слушалъ все это, какъ новое откровеніе и сознавалъ только то, что начинаю ужъ проваливаться.

Но вотъ, набравшись храбрости, я снова довольно бойко началъ было говорить о размѣрахъ и объемѣ епископской власти, о прерогативахъ митрополитовъ и патріарховъ; однако и здѣсь очень скоро былъ остановленъ профессоромъ, который замѣтилъ, что я путаю вмѣстѣ всѣ вѣка и періоды и говорю не объ исторической эволюціи церковнаго управле-

нія, а объ его окончательно сложившихся формахъ; въ дѣйствительности-же, все это было совсѣмъ не такъ и позднѣйшія формы, принявши подъ разными вліяніями клерикальную окраску, нерѣдко сильно уклонялись отъ патріархальной чистоты первоначальныхъ. Все это было ново и интересно, но не для меня въ то время, чувствовавшаго только одно, что у меня изъ подъ ногъ ускользаетъ и послѣдняя почва. И я ушелъ-бы отъ экзаменаціоннаго стола съ сознаниемъ своего полнаго провала, если-бы не выручилъ послѣдній частный вопросъ о томъ, какія церкви въ древности были автокефальными, на что мнѣ посчастливилось отвѣтить вполнѣ удовлетворительно. Однако, я не ждалъ за свой отвѣтъ больше тройки и былъ пріятно удивленъ, узнавъ, что получилъ все-же четыре съ половиной. Но самъ я былъ крайне не доволенъ этимъ экзаменомъ и все сѣтовалъ на то, что мнѣ достался неудачный билетъ—слишкомъ-де общаго характера. И только позже, прослушавши лекціи Алексѣя Петровича и даже, если угодно, еще значительно позже,—внимательно проштудировавши его недавно изданную книгу „Духовенство древней церкви“ Москва 1905 года—я понялъ, насколько важенъ, интересенъ и глубоко жизнененъ этотъ отдѣлъ церковной исторіи, и какъ безжалостно исковерканъ онъ въ нашихъ учебникахъ!..

Алексѣй Петровичъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ въ Академіи и любимыхъ студентами профессоромъ. Его лекціи всегда охотно посѣщались и довольно просторная академическая аудиторія (№ 2), въ которой онъ читалъ, никогда не страдала у него обиліемъ пустыхъ мѣстъ. Алексѣй Петровичъ, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить и раньше, обладалъ драгоцѣннымъ для лектора талантомъ—излагать серьезную науку въ живой и интересной формѣ. Большинство его лекцій теперь уже увидало свѣтъ, въ видѣ десяти томовъ полнаго собранія его сочиненій. Но это все-же не совсѣмъ то, что онъ преподносилъ намъ въ аудиторіи, гдѣ онъ могъ говорить гораздо свободнѣе и откровеннѣе, а главное—гдѣ онъ допускалъ гораздо больше оживляющихъ вниманіе вставокъ, замѣчаній, а иногда даже и остроумныхъ каламбуровъ.

Сравнительно болѣе близкое представленіе объ его подлинныхъ лекціяхъ могутъ дать его послѣднія статьи, напе-

чтаннѣя въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ подѣ заглавіемъ „изъ моей учено-литературной автобіографіи“, гдѣ у него серьезное пересыпано со смѣшнымъ, и гдѣ чуть не трагическое чередуется съ комическимъ. (*Бог. Вѣст.* 1907 г. Іюнь, сѣ 401—426 стр.).

Но особенно оригинальна была внѣшняя манера чтенія лекцій у Алексѣя Петровича. При своей солидной, представительной фигурѣ, изъ которой ожидаешь, если ни порядочнаго баса, то, по крайней мѣрѣ, хорошаго баритона, А. П. читалъ какимъ то высокимъ, жиденькимъ теноркомъ, и притомъ, всегда въ одну комариную ноту, нисколько не модулируя голосомъ. Впрочемъ, у него были и своеобразныя модуляціи, но онѣ имѣли совсѣмъ особый смыслъ: ими А. П. дѣлалъ вставочныя замѣчанія, которыя и произносилъ какимъ-то особеннымъ, ненатуральнымъ басомъ, точно также на одной нотѣ, только съ искусственнымъ растягиваніемъ словъ. И эти басовыя примѣчанія, вторгавшіяся въ монотонный фальцетъ его лекцій, уже самымъ своимъ тембромъ, независимо отъ содержанія, производили на насъ извѣстное впечатлѣніе и сильно оживляли аудиторію.

Нашъ выпускъ былъ послѣднимъ слушавшимъ его академическія лекціи. И даже намъ уже не пришлось держать переходныхъ экзаменовъ у А. П., такъ какъ съ конца 1894 года онъ сильно заболѣлъ глазами, а въ половинѣ слѣдующаго 1895 года и вовсе оставилъ службу при Академіи, за переходомъ въ Московскій университетъ.

Изъ своихъ студенческихъ воспоминаній объ Алексѣѣ Петровичѣ долженъ отмѣтить еще празднованіе его 25-ти лѣтняго юбилея, происходившее какъ-то въ концѣ сентября 1895-го года, и какъ оказалось въ послѣдствіи, неожиданно почти совпавшее съ концомъ его академической службы.

Въ одинъ и тотъ-же день происходило чествованіе двухъ юбиляровъ—товарищей по выпуску и по службѣ въ Академіи: А. П. Лебедева и теперь ужъ тоже давно покойнаго профессора по кафедрѣ Библейской исторіи—А. П. Смирнова. Студенты также снарядили отъ себя почетную депутацію къ юбилярамъ съ поздравленіемъ ихъ. Въ составъ этой депутаціи входилъ и я, въ качествѣ представителя студентовъ 3-го курса. Сначала всѣ и профессора и студенты явились въ квартиру Андрея Петровича, тогда уже крайне слабого и

больного, находившагося чуть не въ послѣднемъ градусѣ чахотки. Изможденный, блѣдный и худой, онъ еле держался на ногахъ и видимо съ большимъ трудомъ, и отъ физической усталости и отъ внутренняго волненія, выслушивалъ наши привѣтственные рѣчи. Но, помню, онъ все же нашелъ въ себѣ силы, хотя и тихимъ, нерѣдко обрывавшимся голосомъ, сказать намъ нѣсколько благодарственныхъ словъ и отвѣтныхъ благопожеланій. До слезъ было горько и обидно видѣть этого умнаго и даровитаго, далеко еще не стараго профессора, теперь уже обреченнаго могилѣ и стоявшаго на краю ея!..

Послѣ чаю и фруктовъ, предложенныхъ намъ въ квартирѣ Андрея Петровича, мы всѣ направились къ другому именитому юбиляру—Алексѣю Петровичу. Здѣсь насъ встрѣтила совсѣмъ иная атмосфера—здороваго веселья и бодрой энергии, олицетвореніемъ чего являлся самъ почтенный юбиляръ.

Однако, когда полились прочувствованныя рѣчи профессоръ и студентовъ, которыми они платили сердечную дань своего высокаго уваженія, любви и благодарности къ своему выдающемуся коллегѣ и учителю, онѣ, что называется, пропали, наконецъ, и самого Алексѣя Петровича. На нѣкоторое время и онъ потерялъ свое обычное иронически-шутливое настроеніе и стоялъ задумчиво-растроганнымъ предъ нами. Помню, въ частности, какъ поразилъ меня отвѣтъ А. П. на наше студенческое привѣтствіе, сдѣланное моимъ старшимъ товарищемъ—студентомъ 4-го курса—В. А. Тихомировымъ. Въ обычное время, при своихъ бесѣдахъ со студентами, А. П. подавлялъ насъ своей ученостью и, какъ-бы нѣсколько свысока, третировалъ наши студенческія познанія и занятія по его специальности. Признаться, мы стѣснялись ходить къ нему, побаиваясь его остраго язычка и были убѣждены, что А. П. очень невысокаго мнѣнія о научной правоспособности студенчества.

Но здѣсь какъ разъ намъ пришлось выслушать нѣчто совершенно обратное. И притомъ ясно чувствовалось, что сказанное имъ было не простой отвѣтной любезностью, а его дѣйствительнымъ, твердымъ и глубокимъ убѣжденіемъ. Алексѣй Петровичъ въ своей длинной, задушевной рѣчи къ намъ, говорилъ съ нами, какъ съ представителями всего академическаго студенчества, прошедшаго чрезъ его руки въ немалый, двадцати пяти лѣтній срокъ его академической про-

фессуры. Въ лицѣ насъ, онъ горячо благодарилъ всѣхъ его учениковъ за ихъ живой и глубокой интересъ къ его наукамъ, за ихъ постоянно внимательное отношеніе къ его лекціямъ, за ихъ добросовѣстный, усердный и плодотворный трудъ. Онъ съ признательной благодарностью перечислялъ намъ имена тѣхъ изъ своихъ учениковъ, которые явились видными работниками на церковно-исторической нивѣ, и тѣмъ самымъ прославили и воспитавшую ихъ Академію и лично его, какъ ихъ профессора. Съ высокой похвалой, къ немалому нашему удивленію, отозвался А. П. и о нашихъ студенческихъ работахъ, не только кандидатскихъ, но и семестровыхъ. „Многіе изъ вашихъ работъ—говорилъ намъ А. П.—будили мою мысль, наталкивали меня на новые пути, носили чисто научный характеръ и смѣло могли-бы появиться въ печати“.

Чествованіе А. П. Лебедева закончилось обѣдомъ въ его квартирѣ, на который были оставлены и мы—студенты. Обѣдъ прошелъ очень весело и оживленно. Къ А. П. снова вернулось его обычное, шутовское настроеніе и онъ былъ положительно неистощимъ въ разныхъ остроумныхъ тостахъ и спичахъ. Между прочимъ, въ качествѣ нѣкотораго курьеза, запомнился мнѣ одинъ шуточный тостъ А. П., въ которомъ онъ говорилъ, что хотѣлъ было на бутылкахъ съ винами наклеить особые ярлыки, съ названіемъ своихъ сочиненій, въ родѣ: „профессія церковнаго писателя“, или „недѣля въ Константинополѣ“, или „источники и пособія церковно-исторической науки“ и т. п. Но почему-то, не помню теперь почему, именно, онъ оставилъ это намѣреніе: вѣроятно, или потому, что у него немного было сочиненій съ сколько-нибудь подходящими для этой шутки заглавіями, или же и потому, что самъ то А. П.—ичъ, въ сущности, былъ неважный знатокъ по этой части.

Припоминаю, впрочемъ, и еще одну изъ застольныхъ рѣчей А. П., носившую автобіографическій характеръ. Въ ней онъ трогательно рассказывалъ о тяжелыхъ условіяхъ своей школьной жизни и въ заключеніе тепло поблагодарилъ присутствовавшего здѣсь же своего лучшаго школьнаго товарища и друга—московскаго протоіерея П. Н. Сахарова. За то, что въ свое время о. Сахаровъ его, бѣднаго семинариста, неимѣвшаго за душой собственнаго гроша, поилъ

чаемъ, а иногда снабжалъ и деньгами, Алексѣй Петровичъ, выражаясь языкомъ древней церковной исторіи, назвалъ его своимъ истинныхъ „сиропитателемъ“ (*ορφανοτρόφος*) и предложилъ за него особый, всѣми единодушно принятый, тостъ.

Къ чести о. протоіерея Сахарова должно отнести, что свое неизмѣнно благожелательное, перешедшее почти въ родственное, отношеніе съ А. П. онъ сохранилъ до самой смерти послѣдняго. Въ семьѣ этого о. протоіерея А. П. любилъ отдыхать и всего за какую-нибудь недѣлю до своей роковой болѣзни, онъ только что воротился отъ него, гдѣ гостилъ у него на дачѣ. О. Протоіерею пришлось и похоронить своего друга, за что къ прежнему титулу „сиропитателя“ А. П. могъ-бы теперь придать ему еще и другой, заимствованный изъ той же церковно-исторической древности, „погребателя странныхъ“, такъ какъ покойный А. П., не имѣя близкихъ и обеспеченныхъ родственниковъ, до извѣстной степени, подходилъ къ категоріи послѣднихъ.

Послѣднія мои студенческія воспоминанія объ А. П. относятся къ тому-же юбилейному его году и связаны съ фактомъ его перехода отъ насъ въ Московскій Университетъ.

Еще въ концѣ 1894-го года умеръ профессоръ церковной исторіи въ Московскомъ Университетѣ, извѣстный ученый и публицистъ—протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ, давній литературный противникъ А. П. Лебедева, имѣвшій съ нимъ старые счеты еще по поводу своего докторскаго диспута. И вотъ, вдругъ мы слышимъ, что А. П. уходитъ отъ насъ и заступаетъ его мѣсто. Признаться, въ виду существовавшихъ между ними (т. е. Иванцовымъ-Платоновымъ и Лебедевымъ) отношеній, для насъ такой переходъ былъ несовсѣмъ понятенъ. Вскорѣ, впрочемъ, явилось и объясненіе, вполне насъ удовлетворившее. Разнесся слухъ, что Алексѣю Петровичу, по жалобѣ бывшаго ректора о. Х., предложено митрополитомъ Сергіемъ оставить Академію, за общій, либеральный духъ его сочиненій и лекцій и за одинъ частный печальный инцидентъ ¹⁾.

¹⁾ Разумѣется исторія съ священникомъ Н. Толстымъ, только что получившимъ весной этого (1895) года кандидатскую степень за церковно-историческую работу у А. П., а лѣтомъ, или осенью уѣхавшаго въ Римъ и чуть-ли не принявшаго тамъ католичество. Смъ объ этомъ въ автобіографіи А. П. (Бог. Вѣстн 1907 г. Іюнь, 422 стр примѣч.).

Справедливость требуетъ, правда, сказать, что самъ А. П. въ послѣдствіи, 12-ть лѣтъ спустя, отрицалъ значеніе за этими слухами и отнесъ ихъ къ числу легендъ, циркулировавшихъ около его имени. „Кстати—говорить А. П. въ отрывкѣ изъ своей учено-литературной біографіи—скажу и о моемъ переходѣ въ университетъ. Это обстоятельство моей жизни окружено также легендарной дымкой. Досужіе люди выдумали какія-то гоненія, репрессаліи, рисовали ангела съ пламеннымъ мечемъ. Конечно, на мнѣ лежала обязанность—разъяснить дѣло разнымъ любителямъ утокъ. Но сознаюсь—я этого не сдѣлалъ. И вопросъ о всѣхъ подробностяхъ, среди которыхъ совершился мой переходъ въ университетъ, остается и навсегда останется въ таинственномъ туманѣ“¹⁾. „Откровенно говоря—шутливо говорилъ А. П. нѣсколько ниже—мнѣ ужасно хотѣлось-бы, чтобы легенда о гоненіяхъ, репрессаліяхъ и ангелѣ съ пламеннымъ мечемъ—была-бы не легендой только. Мнѣ очень пріятно было-бы (конечно ужъ по смерти) попасть въ календарные святыя“²⁾... При чемъ, какъ выясняется дальше, подъ послѣдними у него разумѣются тѣ выдающіеся русскіе ученые, дни кончины которыхъ (какъ напр. день кончины историка-страдальца Ф. А. Терновскаго † 22-го мая) отмѣчаются нѣкоторыми календарями.

Самъ А. П. мотивируетъ свой переходъ въ университетъ, главнымъ образомъ, болѣзнью глазъ, при которой онъ уже не чувствовалъ себя въ состояніи вести съ должной энергіи свои отвѣтственные академическія лекціи. Въ университетѣ-же эта каѳедра занимаетъ одно изъ второстепенныхъ мѣстъ, такъ что А. П. про свою университетскую службу могъ шутливо выражаться: „если я и не въ отставкѣ, то какъ принято говорить объ архіереяхъ—*на покой*“.

Уже значительно позже ухода Алексѣя Петровича изъ Академіи и лѣтъ 5 спустя послѣ окончанія въ ней курса мною, судьбѣ угодно было снова свести меня съ А. П. и поставить даже въ особо близкія отношенія къ нему.

По свойству своей живой, энергичной и отзывчивой натуры, А. П. никогда не могъ удовлетворяться одной только сухой, научно-кабинетной дѣятельностью. Онъ искалъ всегда живаго дѣла, почему и являлся однимъ изъ дѣятельнѣй-

¹⁾ *Бог. Вѣстникъ*, 1907 г. Іюнь, 422 стр.

²⁾ *Тамъ же*, стр. 423—424.

шихъ сотрудниковъ различныхъ церковно-общественныхъ и научно-просвѣдительныхъ обществъ. Состоялъ онъ не фиктивнымъ только, а самымъ активнымъ членомъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія, въ отдѣлѣ Публичныхъ Богословскихъ чтеній котораго онъ очень нерѣдко предлагалъ какое-либо новое и интересное свое чтеніе. Здѣсь-то мнѣ, по переходѣ въ преподаватели Московской семинаріи по кафедрѣ церковной исторіи, и пришлось вскорѣ встрѣтиться съ А. П.

Помню, какъ послѣ одной изъ моихъ публичныхъ лекцій на модную тему—„о современномъ декаденствѣ“ (въ 1903 году)—А. П. подошелъ поздравить меня съ успѣхомъ и при этомъ остроумно замѣтилъ: „а вѣдь ваши новые декаденты ужасно похожи на моихъ древнихъ гностиковъ“. Затѣмъ, онъ сразу озадачилъ меня довольно строгимъ вопросомъ: „а почему же вы не поступаете ко мнѣ въ привать-доценты? Вѣдь вашъ предшественникъ—А. П. Доброклонскій состоялъ моимъ привать-доцентомъ. И вы должны это сдѣлать. Приходите какъ-нибудь ко мнѣ и мы объ этомъ поговоримъ подробнѣе“. Припоминаю, я сильно былъ смущенъ такимъ неожиданнымъ и лестнымъ предложеніемъ А. П. причемъ смущеніе мое особенно увеличивалось еще и отъ признанія своей безтактности,—что я до сихъ поръ, т. е. уже прослуживши цѣлый годъ въ Московской семинаріи, все еще не собрался нанести визита своему маститому профессору и учителю.

Когда я, спустя двѣ недѣли, пришелъ къ А. П. и началъ было отказываться отъ сдѣланнаго имъ мнѣ предложенія, ссылаясь на свою молодость и недостаточную авторитетность въ церковно-исторической наукѣ, А. П. рѣшительно заявилъ, что все это не имѣетъ значенія: „посмотрите на университетскихъ молодыхъ людей—они очень храбро, не имѣя никакого опыта и ни одной ученой степени, приступаютъ къ привать-доцентурѣ; а вы все же магистръ богословія, преподаватель столичной семинаріи и успѣли уже согрѣшить нѣсколькими недурными статейками и по нашей наукѣ. Смѣло идите работать, въ надеждѣ пріобрѣсти все то, чего сейчасъ не имѣете“. Разумѣется, я не могъ дольше колебаться и черезъ 2 мѣсяца послѣ этихъ разговоровъ сталъ привать-доцентомъ Московскаго Университета по кафедрѣ церковной исторіи, т. е. ближайшимъ сотрудникомъ и помощникомъ А. П.

На основаніи четырехлѣтняго опыта совмѣстной съ А. П.

службы въ Университетѣ, могу засвидѣтельствовать, что его положеніе тамъ было авторитетно и солидно. По крайней мѣрѣ, покойный деканъ Историко-филологическаго факультета—М. И. Соколовъ не разъ очень лестно отзывался мнѣ объ А. П., какъ о „нашемъ заслуженномъ ветеранѣ“.

Симпатично относилась къ А. П. и университетская студенческая молодежь. Не смотря на то, что для нея предметъ А. П. имѣлъ слишкомъ далекій интересъ, у него однако, не переводились студенты-охотники писать и работать подъ его руководствомъ, что немало удивляло даже и самого Алексѣя Петровича.

Личныя отношенія А. П. ко мнѣ за все время были въ высшей степени дружественны и благожелательны: онъ постоянно старался ободрить и поддержать меня, втянуть въ университетскую жизнь и даже передать мнѣ часть своихъ официальныхъ полномочій. Особенно тяжелымъ и отвѣтственнымъ казалось мнѣ переданное имъ официальное оппонированіе на одномъ университетскомъ докторскомъ диспутѣ (С. А. Котляревскаго), отъ чего я долго и рѣшительно отказывался. Но А. П. убѣдилъ меня такими доводами: „я уже старикъ и мнѣ трудно заниматься новымъ для меня дѣломъ—какимъ-то социальнымъ католицизмомъ (диссертация носила заглавіе: „Лямменэ и новѣйшій католицизмъ“). А вы—человѣкъ молодой, вы этимъ интересуетесь, да вамъ полезно и поработать“. Конечно, я уступилъ такимъ убѣдительнымъ доводамъ и нисколько въ этомъ не раскаялся...

Въ послѣдніе годы своей университетской службы А. П. былъ серьезно занятъ нѣсколько фальшивымъ положеніемъ своей кафедрой при новой распланировкѣ учебныхъ курсовъ. Церковная исторія не вошла ни въ одну изъ обязательныхъ группъ историко-филологическаго факультета, а была выдѣлена въ особую группу, съ цѣлымъ цикломъ самостоятельныхъ церковно и богословско-историческихъ дисциплинъ. По поводу этого, А. П. и говорилъ какъ-то мнѣ: „а намъ вскорѣ придется или закрывать свою лавочку, или развѣртываться въ цѣлый богословской факультетъ. Но для послѣдняго у насъ нѣтъ ни силъ, ни тѣмъ болѣе надежды на слушателей. Кто къ намъ пойдетъ? и что мы можемъ обѣщать своимъ слушателямъ? Вѣдь, разумѣется, духовное начальство не даетъ имъ у себя мѣсть“.

Правда, въ самое послѣднее время, когда въ число приватъ-доцентовъ Московскаго Университета поступилъ цѣлый рядъ профессоровъ Московской Академіи—А. П. снова повеселѣлъ и повидимому замышлялъ что-то предпринять. Но неумолимая смерть, такъ неожиданно прервавшая его жизнь, унесла тайну этого рѣшенія въ могилу.

Померъ А. П. отъ довольно случайной причины. Въ началѣ Іюля ему пришлось гдѣ-то заразиться рожистымъ воспаленіемъ лица (повидимому, въ одной изъ московскихъ бань). По своей неохотѣ имѣть дѣло съ докторами, и въ надеждѣ на свой крѣпкій организмъ, А. П. первоначально не обратилъ должнаго вниманія на свою болѣзнь. И она, повидимому, начала было уже спадать съ его лица, какъ вдругъ неожиданно пала на внутренніе органы и перешла въ удушье. Въ такомъ положеніи его, одинокаго и безпомощнаго, засталъ случайно пріѣхавшій въ Москву его товарищъ—архимандритъ Анатолій, который и поспѣшилъ извѣстить о трудномъ положеніи А. П. его ближайшаго друга—о. протоіерея П. Н. Сахарова.

Когда послѣдній пріѣхалъ съ дачи, то онъ нашелъ А. П. въ отчаянно-трудномъ, критическомъ положеніи отъ начинавшагося задущенія. Вскорѣ была оказана хирургическая помощь (трахеотомія, т. е. разрѣзъ горла для вставки трубки въ дыхательные пути), но она уже не спасла отъ роковаго исхода. И въ 11 часовъ вечера 14-го іюля, на четвертый день послѣ начала болѣзни, не стало еще крѣпкаго, сильнаго и духомъ и тѣломъ, Алексѣя Петровича.

Сознаніе не покидало А. П. почти до самой послѣдней минуты. За нѣсколько часовъ до смерти онъ слабымъ, прерывающимся голосомъ говорилъ пріѣхавшему къ нему о. протоіерею П. Н. Сахарову: „вотъ какое тяжелое положеніе случилось со мной... Скажи мнѣ, гдѣ выходъ изъ моего положенія?“ И затѣмъ, уже передъ самой своей смертью, онъ какъ-бы найдя этотъ выходъ, слабымъ коснѣющимъ языкомъ, произнесъ свою послѣднюю, предсмертную просьбу: „помолись за меня“!

Своему душеприкащику—о. П. П. Сахарову (сыну его друга протоіерея П. Н. Сахарова) А. П. Лебедевъ оставилъ завѣщаніе хоронить его, какъ можно проще, не дѣлая никакихъ нарочитыхъ приглашеній архіереевъ или архимандритовъ. Тѣмъ

отрадно было видѣть прїѣздъ на отпѣваніе Преосвященнаго Анастасія, явившагося по собственному почину отдать послѣдній долгъ своему учителю и выдающемуся ученому.

Быстрая, неожиданная смерть А. П. и глухая лѣтняя пора, когда большинство выѣзжаетъ изъ Москвы, безъ сомнѣнія очень многимъ воспрепятствовали лично явиться на погребеніе А. П. Тѣмъ не менѣе, въ погребеніи, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Анастасіемъ, приняли участіе довольно многіе представители московскаго духовенства, изъ числа бывшихъ учениковъ покойнаго. Слабѣ всего, кажется, былъ представленъ Московскій университетъ, изъ профессоровъ котораго намъ удалось замѣтить только одного—заслуженнаго ординарнаго профессора—И. В. Цвѣтаева ¹⁾).

Но за то довольно полно была представлена Московская Академія. Отъ нея присутствовали двѣ депутаціи—профессорская и студенческая. Въ составъ первой, во главѣ съ исправляющимъ должность Ректора Академіи—инспекторомъ ея А. П. Шостынымъ, (Преосвященный Ректоръ Академіи былъ въ это время въ заграничномъ отпускѣ), входили еще: заслуженный ординарный профессоръ П. И. Цвѣтковъ, ординарный профессоръ А. А. Спасскій, и пишущій эти строки.

За литургіей и отпѣваніемъ произносили рѣчи, посвященныя памяти покойнаго—протоіерей П. Н. Сахаровъ, и священники—Д. И. Ромашковъ и Н. А. Колосовъ. Изъ представителей Академіи говорили—А. А. Спасскій—во время отпѣванія, и профессоръ А. И. Покровскій и студентъ Н. Кудрявцевъ—на могилѣ. Погребень А. П. на кладбищѣ Андроньева монастыря, вмѣстѣ съ своими родственниками.

Позволю себѣ закончить этотъ небольшой некрологъ словами самого А. П., сказанными имъ по аналогичному-же поводу—смерти А. С. Павлова. „Одно для меня утѣшительно. Не смотря на то, что онъ умеръ въ глухую пору университетской жизни—лѣтомъ, я имѣлъ возможность отдать ему послѣдній долгъ. До сихъ поръ я не могу помириться съ этой, невознаградимой для меня (прибавляю—и для Академіи съ Университ. и для всей церк.-истор. науки) потерей“.

А. Покровскій.

¹⁾ Присутствовалъ еще и почтенный историкъ Харьковскаго университета—А. С. Лебедевъ, связанный съ почившимъ родственными узами